

Независимая газета. - 1992 - 28 авг. - с. 7.

«ТОЛЬКО ПОСЛЕ ВАС...»

Корней Чуковский среди детей и взрослых

Аркадий Райкин

Мемуары

МЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ во время войны.

— А я ведь с вами знаком давно, — сказал Чуковский. — Еще перед войной слушал вас по радио.

— В таком случае, Корней Иванович, я с вами вообще столет знаком. Вашего «Крокодила» помню и люблю с детства. Я читал его еще в первой, до-революционной редакции, когда там действовал городовой, которого впоследствии вы убрали. Классическое произведение!

Он в ответ ухмыльнулся и шутливо погрозил мне пальцем:

— Знаете ли вы, что длинная память причиняет своим обладателям куда больше неудобства, нежели короткая? Что же касается классичности «Крокодила», то я, уж простите, спорить не стану. Хотя, между прочим, в 20-е годы многие не хотели меня признавать как детского поэта. И, представьте себе, неохотно печатали. Странно, не правда ли?

— Странно, Корней Иванович.

— Бросьте. Что в этом странного?

— Да, действительно. Если подумать, то конечно.

— Что «конечно»? Нет, голубчик, нет. Все-таки это странно.

Такая у него была манера: подводить вас к какому-нибудь умозаключению, выуживать его из вас, чтобы тут же опровергнуть. Да еще и выразить недоумение: мол, что это вы такое несете? Это была своего рода игра.

Во всяком случае, он с самым невинным видом мог сделать из собеседника отбивную котлету.

ных, от положения в обществе. Так что будь ты даже солидным дядей, а все равно, если хочешь участвовать в общем веселье, изволь собирать шишки.

Я много раз участвовал в «чуковских кострах». Выступал на них, вспоминая свой довоенный детский репертуар. Приходил, как правило, с сыном. Костя — ему было тогда лет шесть — изображал, как падает дерево. Р-раз — и действительно падал как подкоженный. Чуковский хохотал до слез, просил бисировать. Вообще он любил Костю. Был первым зрителем его танцев.

В дни юбилея Корнея Ивановича Маршак прислал стихотворное послание:

Могли погибнуть ты и я,
Но, к счастью, есть на свете
У нас могучие друзья,
Которым имя — дети.

Помещая эти стихи в «Чукоккале», Корней Иванович снабдил их следующим комментарием: «Большинство его стихов отличалось язвительной колкостью. Но его голос всегда становился дружелюбным и мягким, когда речь заходила о детях». То же самое он мог бы сказать и о себе.

Однажды я имел неосторожность заметить, что мне нравится, как Маршак переводит сонеты Шекспира, да ведь и многим нравится.

— Что такое «многим»? — сердито вскричал Чуковский. — Кто они такие, «многие»?

В этот момент он совершенно не был похож на того «дедушку Корнея», который вместе с ребятами носился как угорелый по своему саду, напившись индийский головной убор из разноцветной кожи и перьев и выкрикивая при этом какие-то бармазейские заклинания.

Конечно, он не был тем добреньким, не от мира сего, ста-

— Да так, знаете ли...

— Нет, ну все-таки. Интересно. Я же вижу, что вы не просто гуляете. У вас для этого слишком отсутствующий вид.

— Я учу текст нового монолога.

— На ходу? Нет, это не годится. Заходите ко мне. Колин кабинет в вашем распоряжении.

— Спасибо, Корней Иванович. Как-нибудь в другой раз.

В другой раз, увидя меня на той же улице с текстом роли в руках, он, без всяких приветствий, напустился на меня, как если бы поймал на месте преступления:

— Пренебрегаете!

— Бог с вами, Корней Иванович. Просто я так привык. Мне так удобно — гулять и учить.

— Ну как, знаете, — сказал он сухо и, не прощаясь, пошел своей дорогой.

В третий раз он, как выяснилось, поджидал меня, караулил у ворот своей дачи. И когда я поравнялся с ним, распахнул калитку и выкрикнул с угрозой, как-то по-петушиному:

— Прощу!

Я понял, что сопротивление бесполезно. Рассмеялся. Вошел в сад. Поднялся на крыльцо и остановился у двери, чтобы пропустить его вперед.

— Вы гость. Идите первым, — сказал Чуковский.

— Только после вас.

— Идите первым.

— Не смею.

— Идите первым.

— Ни за что!

— Ну это, знаете ли, просто банально. Нечто подобное уже описано в литературе. Кстати, вы не помните кем?

— А вы что же, меня проверяете?

— Помилуйте. Зачем мне вас проверять? Просто я сам не помню.

— Ну, Гоголем описано. В «Мертвых душах».

Аркадий Райкин.
Фото Валерия Плотникова.

Надо заметить, дело происходило поздней осенью, и дощатое крыльцо, на котором мы лежали и, как могло показаться со стороны, бились в конвульсиях, было холодным. Но уступить никто из нас не хотел.

Из дома выбежала домработница Корнея Ивановича, всплеснула руками. Она была ко всему привычна, но, кажется, на сей раз не на шутку испугалась. Попыталась нас поднять.

Чуковский заорал на нее:

— У нас здесь свои дела!

Бедную женщину как ветром сдуло. Но через мгновение она появилась в окне:

— Чужой, хоть подстелете себе чего-нибудь?

Чуковский лежал испепелен ее взглядом, и она уже больше не возникала. А он продолжал, вновь обращаясь ко мне:

— Вам так удобно?

— Да, благодарю вас. А вам?

— Мне удобно, если гостю удобно.

Все это продолжалось как минимум четверть часа, в течение которых мне несколько раз переставало казаться, что мы играем. То есть я, конечно, понимал, что это игра. Да и что же другое, если не игра? Но... как бы это сказать... некоторые его интонации смущали меня, сбивали с толку.

— Все правильно, — сказал он, наконец поднявшись и как бы давая понять, что игра закончилась в мою пользу. — Все правильно. Я действительно старше вас вдвое. А потому

Я вздохнул с облегчением и тоже встал на ноги.

— ...а потому... потому...

И вдруг как рывком:

— Идите первым!

— Хорошо, — махнул я рукой. И вошел в дом.

Я устал. Я чувствовал себя опустошенным. Мне как-то сразу стало все равно. Давно ли я так измученно и приговоренно приговаривал Чуковский, следуя за мной. Давно бы так. Стоило столько препираться-то!

На сей раз это уж был финал. Не ложный, а настоящий.

Так я думал. Но ошибся опять.

— Все-таки на вашем месте я бы уступил дорогу старику, — сказал Корней Иванович, потирая руки.

Однажды он явился на дачу к Льву Абрамовичу Кассилу с тремя дамами. Я тоже там был, мы столкнулись в прихожей.

Двум дамам Чуковский сказал: — Вообще-то я не знаю, почему вы со мной поехали. Вас тут никто не ждет. Так что лучше вам уйти отсюда.

Две дамы обиделись и действительно ушли. Третья, гостья из Болгарии, почувствовала себя неловко и тоже хотела уйти. Но он ее удержал:

— Вы иностранка, вам можно.

Правда, когда Светлана Леонидовна, жена Кассила, пригласила гостью войти в дом, выпить чаю, то досталось от него и болгарке:

— Если вы будете пить чай в этом доме, лучше ко мне не приходите.

За столом была и Татьяна Тэсс. Он сообщил ей следующее:

— Читал вчера вашу статью в «Известиях». Более бездарного чтения еще не встречал. Получил «комплимент» и я.

— Вы очень хороший артист. Вы очень нравитесь... моей кухарке. Правда, у нее и вкус соответствующий.

Наконец он стал прощаться:

— Я ворвался сюда как светлый луч в темное царство.

Рисунок Л. Малаховского.

Переделано... Казалось бы, обычный московский поселок. Но какое эстетичное явление и тайных прайсов! За каждым забором кто-то сидит и пишет. Что они пишут? О чем думают?

Чуковский был как бы частью переделанного пейзажа. Когда он гулял (а гулял он в любую погоду, даже в трескучий мороз), то походил на лешего, своего рода владения.

ричком, каким его пытаются представить любители сглаживать острые углы, создатели никому не нужных литературных идиллий о знаменитых людях. Добродушие не являлось определяющим свойством его натуры.

Не знаю, чувствовали ли это дети (думаю, что не чувствовали, потому что с детьми он вел себя совсем не так, как со

Гоголем, стало быть? Неужто? Это вы, стало быть, эрудицию свою хотите показать? Нашли перед кем похвастаться. Идите первым.

— Ни за какие коврижки!

Пожалуйста, перестаньте спорить. Я не люблю, когда со мной спорят. Это в конце концов невежливо — спорить со старшими. Я, между прочим, вдвое старше вас.

— Вот потому-то Корней